

Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания¹

Н.С. РОЗОВ, доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск. E-mail: nrozov@gmail.com

Революции в мировой истории нередко разгораются друг за другом, образуя революционные волны. В статье выделены основные типы таких волн (идейные, структурные и волны-цепочки, большие и малые), приведена их генеральная совокупность за пять столетий (27 волн), построены шесть моделей динамики их роста и угасания: «Предел горючести», «Розжиг тушителей», «Послеревolutionная фрустрация», «Порядок извне под вопросом», «Уязвимость зависимых режимов» и «Истощение ресурсов борьбы». Каждая модель отражает динамическую связь переменных и представлена как тренд-структура (ориентированный граф с положительными и отрицательными связями). Приведены исторические примеры волн, показано, что в истории революционных волн Россия занимает весьма значительное место. Представленные модели сопоставлены с внешне- и внутрисистемным российским контекстом.

Ключевые слова: макросоциология, революция, революционные волны, историческая динамика, социальная нестабильность, политические режимы, геополитика, конфликтная динамика, ресурсное истощение

«Революция 1848 г. заставила все европейские народы высказаться за или против нее. В течение одного месяца все народы, созревшие для революции, устроили революцию, все не созревшие народы объединились против революции».

Карл Маркс

Революционные волны – это серии революций (в том числе социально-политических кризисов, представляющих угрозу для режима), которые происходят в различных обществах либо по сходным причинам, либо имеют сходную направленность, либо из-за прямого воздействия одних революций на другие по принципу «домино» (далее будут рассмотрены только *цепные волны* (по аналогии с цепными реакциями), или *волны-цепочки*) [1].

Каждая волна начинается с какой-то революции, которую подхватывают другие общества, то есть происходит рост волны, затем она спадает и угасает. С начала XVI в. таких волн в мировой истории насчитывается около трех десятков: от первой волны Реформации в Северной Европе и до последних волн XXI века: «арабской весны» и революций, кризисов, открытых протестов в 2013–2014 гг.

Сходство динамики каждой волны (возникновение, подхватывание, рост и расширение, угасание) указывает на единую внутреннюю закономерность. Подходы исторической макросоциологии позволяют строить и исследовать соответствующие модели [2, 3, 4, 5].

Революционные волны: генеральная совокупность

На основе совмещения списков Дж. Голдстоуна, К. Бека, С. Циреля (во многом пересекающихся) [1, 6, 7]. и их дополнения мы (совместно с В.В. Цыганковым, Ю.А. Пустовойтом и С.И. Филипповым)² составили следующий ряд революционных волн.

1. 1514–1555 гг. – антифеодальные бюргерские мятежи и войны, или Первая Реформация (Венгрия, Словения, Испания, Саксония, Швейцария, Фландрия, Богемия).
2. 1566–1609 гг. – Первая Кальвинистская, или Вторая Реформация (Франция, Нидерланды).
3. 1595–1608 гг. – евразийские крестьянские войны (Османская империя, Московия).
4. 1618–1630 гг. – Вторая Кальвинистская, пересекается с Тридцатилетней войной (Франция, Швейцария).
5. 1648–1650 гг. – славянские бунты (Украина, Польша, Московия).
6. 1703–1709 гг. – антиимперские восточнославянские восстания (Венгрия, Россия).
7. 1776–1794 гг. – атлантические революции, движимые антимонархическими настроениями (США, Нидерланды, Франция).
8. 1810–1813 (15) гг. – освободительная война в Латинской Америке (боливарианские революции: Мексика, Венесуэла, Новая Гранада, Эквадор, Перу, Колумбия, Чили, Санто-Доминго);

² Научный семинар по социальной философии и исторической макросоциологии в Институте философии и права СО РАН.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского государственного научного фонда, проект № 16–03–00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

9. 1821–1831 гг. – греческая война за независимость (Греция, Молдавия, Крит).
10. 1830–1831 гг. – малая волна революций и восстаний в Европе (Франция, Бельгия, Польша).
11. 1848–1850 гг. – европейские революции, движимые либерализмом («весна народов»: Сицилия, Англия, Франция, Пруссия и другие германские государства, Австрийская империя и ее провинции: Чехия, Пьемонт, Галиция, Венгрия);
12. 1861–1878 гг. – американские освободительные восстания и войны (США, Доминикана, Куба).
13. 1875–1878 гг. – балканский кризис (Босния, Герцеговина, Болгария, Фессалия, Крит).
14. 1905–1911 гг. – первая «красная волна», начавшаяся с русской революции 1905 г. (Россия, Португалия, Мексика, Аргентина).
15. 1917–1920 гг. – вторая «красная волна» (после первой мировой войны: Россия, Германия, Бразилия, Венгрия, Ирландия, Аргентина).
16. 1926–1945 гг. – фашистские перевороты и антифашистские движения (Португалия, Испания, Югославия, Франция).
17. 1930–1940 гг. – южноамериканские восстания и путчи (Бразилия, Перу, Куба).
18. 1945–1979 гг. – коммунистические революции (страны Восточной Европы, Китай, Куба, Вьетнам, Чили, Ангола, Занзибар, Камбоджа, Лаос).
19. 1950–1970 гг. – антиколониальные революции, движимые национализмом (Индия, Алжир, Гвинея-Бисау, Мозамбик и др.).
20. 1952–1969 гг. – арабские националистические революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке.
21. 1968 г. – волна молодежных протестов (Франция, США, Великобритания, ФРГ).
22. 1979–1989 гг. – исламские революции (Иран, Судан, Афганистан).
23. 1989–1991 гг. – антикоммунистические революции (ГДР, Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, СССР, Югославия).
24. 2000–2009 гг. – «цветные революции» (Грузия, Украина, Ливан, Беларусь, Мьянма, Молдова, Иран).
25. 2010–2011 г. – «арабская весна» (Тунис, Египет, Йемен, Ливия, Сирия, Бахрейн, Алжир, Ирак, Иордания, Марокко, Оман, Кувейт, Ливан, Мавритания, Саудовская Аравия, Судан, Джибути, Западная Сахара).
26. 2011–2012 гг. – движения «Оккупей» и «болотные» протесты (США, Великобритания, Германия, Россия).
27. 2013–2014 гг. – восстания против гибридных режимов (волна «центрального коллапса»: Таиланд, Украина, Босния, Венесуэла, Турция, Тунис, Египет).

Получившийся список из 27 пунктов вполне может претендовать на генеральную совокупность – это полный перечень

явлений, попадающий в класс «революционные волны». Однако здесь есть и свои сложности. Так, движение чартистов в Англии 1830–1940-х гг. с требованиями всеобщего избирательного права (для взрослых мужчин) явно повлияло на Французскую революцию 1848 г. Однако принято считать, и не без оснований, что донором остальных революций в Европе в 1848–1849 гг. была именно Франция. Поэтому в таких случаях приходится различать «малую», или «основную волну» (с «принципом домино», т. е. явным и прямым эмоциональным воздействием революционно-го энтузиазма событий одного общества на события другого), и «большую волну» (где причинная связь между революциями есть, но без непосредственного распространения «революционно-го пламени»). Таким образом, Англия и Сицилия были донорами «большой волны», но донором «малой волны» остается Франция. Далее под «революционной» будем иметь в виду именно «малую волну», если не указано иное.

Модель «Предел горючести»

Революционные события вначале возникают только в обществе, «дозревшем до революции», то есть с накопившимися напряжениями, слабостью режима и прочими факторами, которые составляют «революционную ситуацию». Другие общества (часто соседние, родственные по языку, культуре, религии, или имеющие с ним тесные культурные, экономические и политические связи) «дозревали» в разной мере, то есть в них либо возникает революционная ситуация, либо действуют стабильные, легитимные, сильные режимы, неуязвимые для революционного влияния, либо располагаются между этими полюсами. Очевидно, волну подхватывают общества с максимумом потенциальной нестабильности – революционной ситуацией. Но эффекта нескольких революций достаточно, чтобы «революционный пожар» «воспламенил» даже общества с относительно стабильными режимами [7].

При всем этом волна революций рано или поздно перестает расширяться. Простейшее объяснение – волна, даже самая мощная, не захватывает стабильные режимы.

В качестве объясняемой переменной (экспланандума) зафиксируем *R* (*revolutionaty intensity*) – совокупную интенсивность революционных событий в вошедших в революционную волну

обществах. Этот показатель можно трактовать, например, как сумму максимальных интенсивностей революционных событий в этих обществах за каждый фиксированный период (неделю, месяц, год). Данная сумма считается нулевой до начала волны и после ее окончания. Во время самой волны объясняемая переменная флуктуирует, в какие-то периоды достигая своего максимума, числовое значение которого (всегда условное) зависит от интенсивности событий в каждом обществе.

Уровень «созревания» общества к революции выразим через переменную p (*potential*). Максимум p и составляет *революционную ситуацию*, когда какое-либо относительно малое возмущение приводит к буре протеста и началу революции. Среди других причин – делегитимизация власти, слабость правительства, нелояльность аппарата принуждения, бюджетный дефицит, ведущий к неспособности правительства выполнять обязательства и основные функции, наличие политической альтернативы (ярких лидеров, организаций и идей), масштабы «горючего материала» революции – отчаявшихся людей, которым нечего терять при сохранении режима. К этим факторам будем обращаться по мере необходимости, но пока считаем достаточной агрегированную переменную – потенциал нестабильности. Полезно также учитывать p_m – средний потенциал нестабильности в данном мировом регионе, где связи между обществами достаточно сильны для возникновения волны. Разумеется, эта величина исторически изменчива, но для простоты будем считать ее константой для периода, в котором назревает, разворачивается и гаснет революционная волна.

Потенциал охвата обществ революционной волной (w – *wideness*) определим как число обществ, еще не испытавших революцию, но либо достигших революционной ситуации, либо с настолько высоким потенциалом, что интенсивные революционные события в других обществах способны привести к революции в них.

Будем различать также n_i – число вновь вступивших в волну обществ за каждый период i и их сумму n_{Σ} – общую численность охваченных волной обществ к периоду i .

Итак, интенсивность революционных событий охватывает все новые общества, отчего растет их сумма, что еще больше увеличивает интенсивность этих событий. Так появляется круг

положительной обратной связи, объясняющий быстрый рост революционной волны. Этот рост был бы бесконечным, если бы не тормозящая связь. В волну могут попасть только «дозревшие до революции» (по К. Марксу) общества, а их потенциал ограничен. Пока он велик (при больших значениях среднего потенциала нестабильности в данном мировом регионе), все новые и новые общества вступают в волну – переживают революционные события. Но с каждым новым участником волны потенциал охвата скудеет. Наконец, уже не остается «дозревших» обществ, сумма числа участников волны также перестает увеличиваться и «подогревать» интенсивность революционных событий. Данная модель представлена как тренд-структура (ориентированный граф, где вершины – переменные, а стрелки – усиливающие и ослабляющие воздействия) на рисунке 1.

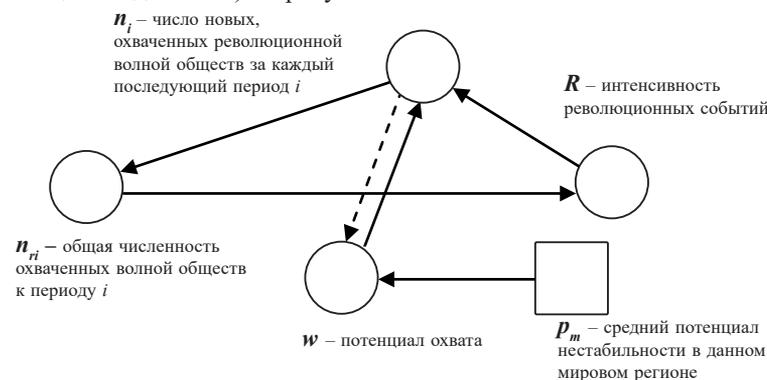

Рис. 1. Модель «Предел горючести»

Примечание: Здесь и далее сплошные стрелки означают усиливающую (положительную) связь, а пунктирные – ослабляющую (отрицательную); круги – это переменные, а квадраты – константы (в рассматриваемый исторический период).

Модель «Розжиг тушителей»

Следующая причинная связь касается уже успешности революций. Во-первых, чем выше потенциальная нестабильность и чем менее силен и легитимен режим, тем больше шансов на успех революции, под которым будем понимать либо захват власти лидерами протеста, либо существенные уступки революционным требованиям со стороны власти. Во-вторых, заразителен для других обществ именно революционный успех, тогда

как провал, скорее, фрустрирует потенциальные силы протеста и вдохновляет режим на сопротивление.

Получаем такую причинную цепь динамики роста и угасания: чем шире распространяется «революционный пожар», тем менее «дозревшие» общества охватываются волной, тем, скорее всего, революции в них будут неуспешными, тем более фрустрирующее влияние они оказывают на остальные общества, тем слабее в них решимость к открытым политическим протестам, что и означает угасание и прекращение революционной волны.

Пока не удаётся найти яркие примеры самостоятельного действия этой модели: вероятно, она работает лишь совместно с другими. Подавление революции 1848 г. в Пруссии и других германских государствах, победа Австрии над восставшими итальянцами в Пьемонте, над чехами в Праге и поляками в Галиции явно сыграли свою роль в угасании всей европейской «весны народов». «Арабская весна» 2011 г. началась громкими успехами революций в Тунисе и Египте, но затем также охватила Бахрейн (протесты подавлены при содействии саудовской армии), Ирак, Сомали, Кувейт, Западную Сахару, Ливан, где выступления ни к чему не привели, что, по-видимому, снизило решимость открыто протестовать в других арабских обществах.

Успешность революции s (*success*) понимается как мера выполнения целей протестных движений либо через смену власти, либо через уступки со стороны оставшейся у власти правящей группы. Пик успеха достигается в краткий (1–3 дня) период свержения прежнего режима или объявления уступок, что ведет к умиротворению. Затем успех может снижаться и потому, что новая революционная власть не оправдывает ожиданий, и потому, что уступки сворачиваются. Предположительно главными факторами успеха являются сила, организованность, дееспособность организаций протестного движения, а также готовность государственных институтов к перестройке в соответствии с революционными требованиями. В обоих случаях успеха – смены власти или уступок – это означает эффективное реформирование государственных и классовых структур, тогда как слабость революционных организаций и неготовность государственных институтов к восприятию новых требований ведут к провалам, что может выражаться в победе реакции, перерождении революционной власти, эскалации насилия, чреватой гражданской войной, и в распаде страны.

Привлекательность революции a (*attractiveness*) является прямой функцией от восприятия ее успешности в других обществах. Разумеется, одна и та же революция в разной степени привлекательна для разных обществ, что зависит от близости ее символов и лозунгов к популярным в каждом данном обществе идеям. Резонно предполагать, что чем больше в некотором обществе потенциал нестабильности p , тем выше и привлекательность. Соответственно, в обществах со стабильными и легитимными режимами следует ожидать неприятие чужой революции (низкие, отрицательные значения a) – в полном согласии с формулой К. Маркса, вынесенной в эпиграф. Учитываем также p_r – средний потенциал нестабильности в охваченных волной обществах (рис. 2).

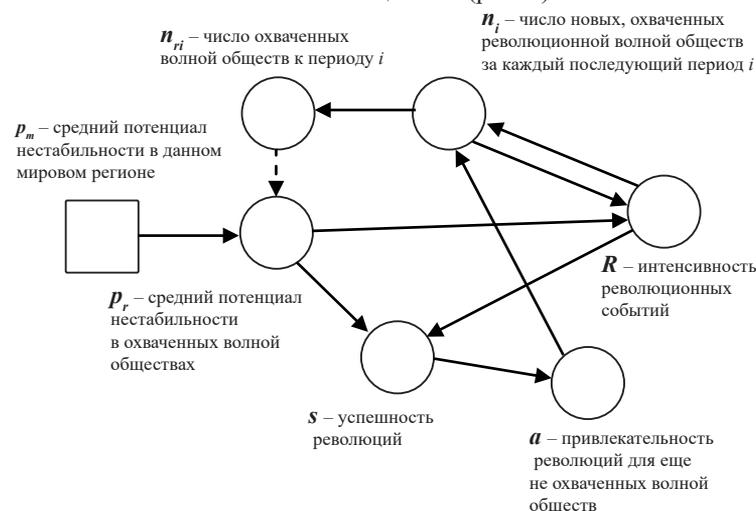

Рис. 2. Модель «Розжиг тушителей»

При разрастании волны (росте ее интенсивности, числа новых вступивших в волну обществ) падает средний потенциал нестабильности в охваченных волной обществах. Именно так работает метафора «розжиг тушителей»: слишком «недозревшие» до революции общества вступили в волну, революция в них закономерно терпит провал, т. е., поддавшись общему пламени революционного подъема, они невольно становятся тушителями этого пламени. Падение среднего потенциала нестабильности снижает успешность революций, а значит, их привлекательность для еще не охваченных волной обществ. Снижение интенсивно-

сти и прекращение пополнения волны новыми обществами ведут к дальнейшим провалам революций, падению их привлекательности, а тем самым – к угасанию волны.

Модель «Послереволюционная фрустрация»

В каждой успешной революции после смены власти или уступок, триумфа и общей эйфории всегда наступают трудные времена, связанные с трансформацией (вплоть до разрушения и упадка) прежних структур и порядков, а также со стремлением новой или старой власти укрепиться за счет подавления конкурентов. Эти процессы выражаются в социально-экономических неурядицах (росте инфляции, экономическом спаде, увольнениях, перебоях в снабжении), а также в политическом насилии вплоть до террора. Такие процессы снижают привлекательность даже успешных революций для других обществ как потенциальных участников волны.

Так, Французская революция 1789 г., русская революция 1917 г., революционные, а затем военные события в Ливии и Сирии (с 2011 г.), которые поначалу вдохновляли протестные движения в других странах, затем стали устрашающими и отталкивающими.

Нам понадобятся следующие переменные: f – сохранность социальных порядков и функций в охваченных волной обществах; d – уровень послереволюционных бедствий в охваченных обществах.

Рассмотрим также отзывчивость, или сензитивность e (*sensitivity*), означающую уровень влиятельности общества – потенциального донора революции, на общество-реципиент. Она зависит от геокультурной влиятельности, языкового, этнического родства, конфессионального, идеологического сходства, геополитического престижа, географической близости общества-донора по отношению к обществу-реципиенту, а также от силы экономических связей между ними. Отзывчивость является крайне медленно меняющимся фактором, поэтому в модели будет фигурировать в роли коэффициента, сказывающегося на силе воздействия привлекательности революций обществ-доноров на реципиенты, либо в качестве константы, влияющей на привлекательность a (рис. 3).

Каждая волна-цепочка происходит в определенной геополитической ойкумене, то есть совокупности политий, или держав (обществ, способных защищать свою территорию и территорию своих клиентов военной силой), связанных союзными, нейтральными, конфликтными отношениями.

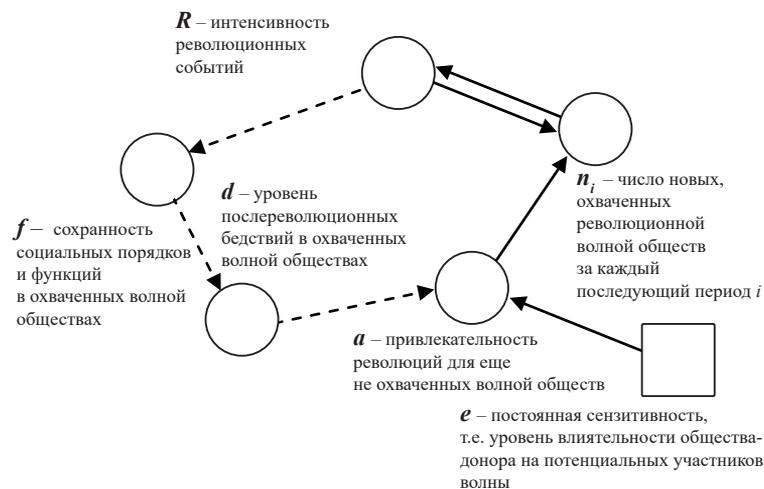

Рис. 3. Модель «Послереволюционная фрустрация»

Модель «Порядок извне под вопросом»

Неконфликтная ойкумена характеризуется либо наличием единого лидера, либо альянсом великих держав, из которых ни одна не заинтересована в том, чтобы в другой происходили революции, смены режима и/или государственный распад. Очевидно, что в этой ситуации начавшаяся революционная волна вызывает тревогу, а рост волны ведет к сплоченности держав и их решимости к подавлению революций. Если «революционный пожар» сильнее совокупной мощи альянса великих держав, то начинается эпоха масштабного насилия, подчиняющаяся уже военной динамике; таковы Тридцатилетняя война после мятежей Реформации XVI в., революционные и наполеоновские войны после Великой французской революции, вторая мировая война после волны фашистских переворотов 1920–1930 гг.

Если же союз контрреволюционных держав или держава-гегемон достаточно сильны, то слабые протестные движения подавляются, остальные потенциальные революции купировываются (случай революций 1830 г.).

Немало революционных волн оказываются успешными: Реформация в Северной Европе, атлантические революции, боливарианские в Южной Америке, исламские революции 1970–1980 гг.

не были подавлены, хотя каждый раз такие попытки со стороны могущественных сил имели место.

Внешняя поддержка революции u (*support*) означает уровень помощи, от моральной и идейной до финансовой, организационной и военной, со стороны режимов других обществ. Для таких ситуаций можно было бы ввести дополнительную переменную, но пока довольствуемся одной, считая положительные значения u поддержкой революции, а отрицательные – активностью по поддержке старого режима и подавлению революции.

В модели участвуют следующие переменные: x (*anxiety*) – тревога коалиции держав, доминирующей в данной геополитической ойкумене; c (*consolidation*) – сплочение коалиции и решимость к «восстановлению порядка»; h (*inhibition*) – успех в подавлении революций извне; r_c (*resources of coalition predominance*) – ресурсное преимущество антиреволюционной коалиции по сравнению с силами революции, причем значимы не только силовые, но и финансовые, символические, производственные, организационные ресурсы (рис. 4).

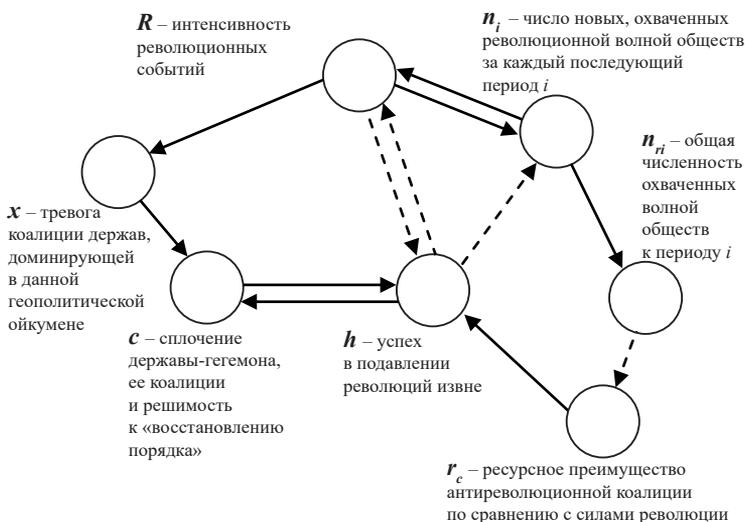

Рис. 4. Модель «Порядок извне под вопросом»

Модель имеет два главных контура. Контур подавления ($n_i \rightarrow R \rightarrow x \rightarrow h \rightarrow R$) описан в начале раздела. Поскольку успех внешней антиреволюционной коалиции не предопределен, в игру

вступает новый контур динамики. Успех подавления зависит не только от сплоченности и решимости коалиции, но также и от преимущества в ресурсах. Но это преимущество сходит на нет при разрастании волны – увеличении числа охваченных ею обществ. Иными словами, если волна быстро охватывает критическую часть обществ со значимыми для борьбы ресурсами, то ресурсное преимущество подавляющей коалиции падает, соответственно, вместо успеха она терпит провал, что всегда угнетающе действует на сплоченность и решимость такой коалиции.

Модель «Уязвимость зависимых режимов»

Бывает так, что в геополитической ойкумене есть два или более конфликтующих лидера, великие державы расколоты и враждуют между собой настолько сильно, что каждый лагерь заинтересован в кризисе и упадке держав из другого лагеря, соответственно, склонен поддерживать революции в нем. Эта внешняя поддержка со стороны одного лагеря (от моральной до финансовой и военной) играет существенную роль в росте революционной волны в другом лагере (так, Россией поддерживались балканские антитурецкие мятежи в 1870-х гг., Советским Союзом – прокоммунистические и антиколониальные революции 1950–1960-х гг., антикоммунистические революции 1989 г., Западной Европой и США – сепаратистские движения в Югославии, «цветные революции» и «арабская весна»). Если держава-гегемон и ее коалиция, поддерживающие старые режимы, ослаблены, то революции побеждают, но только там, где старые режимы в большой мере зависели от этой державы-гегемона, а при снижении ее помощи утратили контроль и решимость защищаться.

Сами революции возникают в условиях падения легитимности не только власти и режима отдельного общества, но также охватывающей его коалиции и державы-гегемона. Поддержка этих революций со стороны конфликтующей коалиции, помимо «идеалистических» мотивов и лозунгов (свободы, справедливости, демократии, прав человека, избавления от эксплуатации и т. д.), всегда имеет «политреалистскую» подоплеку – ослабление противника. Поэтому поддержка направлена на революции в обществах, наиболее тесно связанных, зависимых в военном, экономическом и идеологическом аспектах от этого противника – державы-гегемона. Ослабление

последней, утрата ею ресурсного преимущества наиболее болезненны именно для зависимых режимов, тогда как режимы с военной, экономической и идеологической автономией оказываются в данной ситуации более устойчивы, они блокируют или успешно подавляют протестные поползновения в своих обществах.

Успех поддержанных СССР антиколониальных движений, революций в Китае, Корее, во Вьетнаме, на Кубе, в Анголе и Мозамбике связан с послевоенной делегитимизацией колониализма, капитализма, ослаблением метрополий Западной Европы, когда США были вынуждены обороняться (стратегия сдерживания во вне, маккартизм внутри) и только нащупывали свою новую роль в мире, допуская большие ошибки (наиболее яркая – Вьетнамская война). В странах, самостоятельно и быстро развивавшихся (ФРГ, Япония, Великобритания, Франция, Италия), антикапиталистические, прокоммунистические движения либо трансформировались, либо вовсе заглохли, несмотря на массивную поддержку со стороны Москвы.

Сходная ситуация сложилась с антикоммунистическими революциями в Центральной Европе в 1989 г. Они были успешны в странах, режимы которых в наибольшей степени зависели от переживавшего перестройку СССР, стимулировавшую дискредитацию коммунизма (Польша, ГДР, Венгрия, Чехословакия, Румыния). А опирающиеся на собственную военную силу и идеологию режимы в Китае, Албании, КНДР, на Кубе остались практически неуязвимыми.

Кажется, что драматический распад Югославии нарушает эту закономерность, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что он только подкрепляет ее. Здесь в роли державы-гегемона выступала Сербия, тогда как в большинстве зависимых от нее обществ (республик с титульной нацией) – Словении, Хорватии, Боснии, Герцеговине, Косово, Македонии – побеждали национально-освободительные (сепаратистские, если угодно) тенденции при явной и сильной поддержке со стороны Западной Европы, а позже и США.

Для построения модели нам понадобятся новые переменные: t (*support*) – поддержка революций конфликтующей державой или коалицией; b_n (*stability, independent*) – устойчивость режимов, независимых от державы-гегемона и b_d (*stability, dependent*) – устойчивость режимов, зависимых от нее (рис. 5).

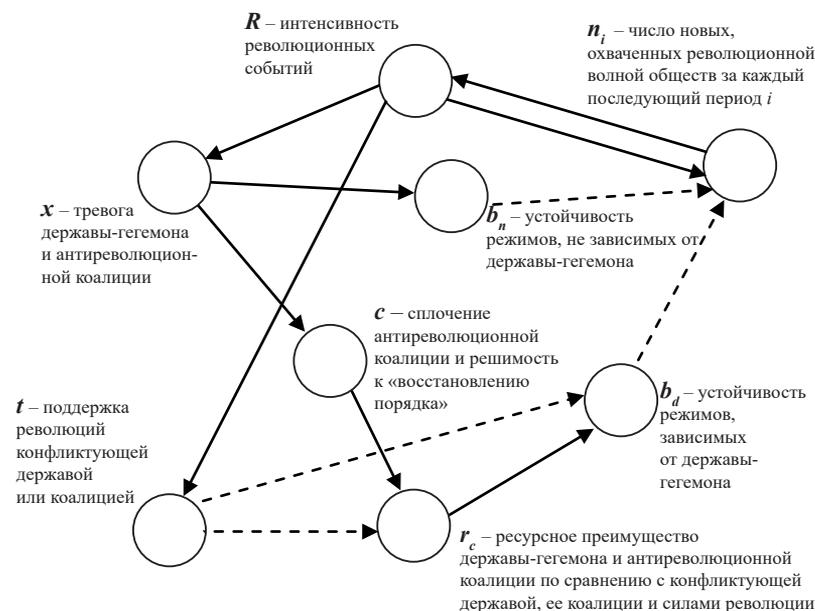

Рис. 5. Модель «Уязвимость зависимых режимов»

Модель включает малый контур $R \rightarrow x \rightarrow b_n \rightarrow n_i \rightarrow R$, объясняющий устойчивость автономных режимов в отношении революций, а также большой контур (вся нижняя часть схемы), где устойчивость режимов, зависимых от державы-гегемона, зависит от соотношения ресурсов между антиреволюционной коалицией (во главе с державой-гегемоном) и конфликтующей с ней коалицией.

Модель «Истощение ресурсов борьбы»

Если волна не расширяется (ни в каких новых обществах уже не возникают революции), это не означает угасания самой волны, поскольку революционные события могут продолжаться длительное время, однако рано или поздно устанавливается какая-то стабильность. Главная причина видится в «усталости», точнее, – в истощении революционных ресурсов у основных сторон конфликта (или хотя бы у проигрывающей): эмоциональных (решимости бороться), социальных (уже не удастся никого привлечь на свою сторону), финансовых, силовых, символических.

Типовая динамика угасания конфликта дополняется эффектами волны: победа и замирение в каждой революции служат примерами для остальных революций той же волны. Вероятно, евразийские крестьянские войны 1595–1608 гг., славянские бунты 1648–1650 гг., антиимперские восточнославянские восстания 1703–1709 гг. соответствуют этому паттерну. Послереволуционные гражданские войны (нередко с участием внешних сил) заканчиваются либо победой одной из сторон (в России – в 1918–1920 гг., в Ливии – в 2011 г.), либо разделом территории (Корея в 1953 г.). Многолетние гражданские войны объясняются либо малой интенсивностью, тлеющим характером (Афганистан с 1990-х гг., государства Центральной Африки, Колумбия), либо постоянной ресурсной подпиткой извне (сегодняшняя Сирия).

В затянувшихся революционных кризисах паритетность ресурсов борьбы в каждом обществе высокая при одновременно значительном потенциале нестабильности (иначе режим легко побеждает протестующих) и сильных факторов, препятствующих успешности революции. Паритетность ведет либо к компромиссам, либо к эскалации конфликта, переходящего в гражданскую войну (часто с элементами международной войны) (рис. 6).

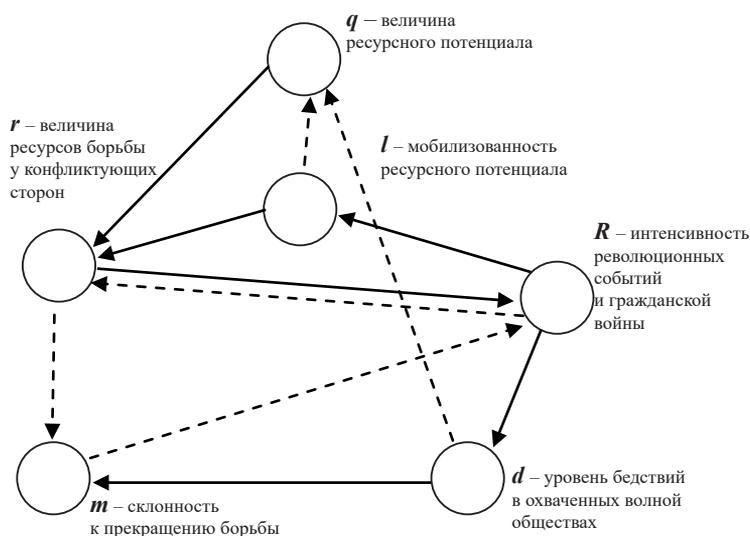

Рис. 6. Модель «Истощение ресурсов борьбы»

Многое в данной динамике зависит от общей величины ресурсного потенциала (населения и богатства, способных конвертироваться в военную силу), мобилизованности этого потенциала и актуальной величины ресурсов борьбы у конфликтующих сторон. Мобилизация увеличивает ресурсы, но истощает общий потенциал. Сама интенсивность революционных событий и гражданской войны расходует ресурсы борьбы и увеличивает бедствия, которые сокращают ресурсный потенциал (и население, и богатство, и решимость умирать и убивать). Чем больше бедствий и чем меньше ресурсов борьбы у конфликтующих сторон, тем выше у них склонность к прекращению борьбы (соглашению или сдаче в зависимости от соотношения побед и поражений), что и ведет к замирению, угасанию конфликта.

Россия в контексте революционных волн в прошлом и будущем

Наша страна на протяжении долгой истории (Московия – Российская империя – СССР – РФ) даже по сугубо формальному критерию занимает важное место в волнах революций за последние пять столетий. Если принять за основу 27 волн, то в семи из них Россия прямо участвовала, еще в семи играла важную роль (и как защитник старых режимов, и как спонсор революций). Здесь есть пересечение – в волне антикоммунистических революций 1989–1991 гг. СССР присутствовал в обеих ипостасях, – поэтому получаем 13 случаев. Почти половина из всех 27 революционных волн – это очень много для одной страны. Более того, в реставрации монархии после Великой французской революции, в обеих «красных» волнах, в послевоенных коммунистических, антиколониальных, арабских, антикоммунистических волнах революций Россия играла одну из ключевых, а иногда и главную роль. Все это позволяет с уверенностью утверждать, что Россия не останется вне того или иного участия и в неминуемых будущих революциях, и в революционных волнах.

Для научного прогнозирования необходимы не только модели, уточняющие их теории, но и большие объемы данных, причем релевантных моделям и теориям. Кроме того, представленные модели помогают осмыслить, объяснять уже начавшиеся волны революций, прогнозировать их динамику, но непригодны для предсказания волн, пока они не начались. Поэтому удовлетво-

ритель законный интерес читателя к «нашим палестинам» можно лишь в очень малом объеме – через сопоставление некоторых элементов моделей с внешне- и внутривосточным российским контекстом.

Потенциал стабильности нынешнего режима представляется пока достаточно высоким, несмотря на явный экономический спад и известные трудности, растущую изоляцию России на внешней арене. В плане *пределов горючести* трудно представить настолько мощную волну успешных революций в референтных для России обществах, которая вовлекла бы и ее.

Механизм *рожига тушителей* в какой-то мере сыграл роль, если учесть воздействие бурных событий «арабской весны» и движения «Оккупай» на «болотные» протесты и «Оккупай-Абай» в России в 2011–2012 гг., которые были жестко и весьма эффективно подавлены. Если бы потенциал стабильности режима был гораздо ниже, а «горючесть» – выше (вплоть до «революционной ситуации»), то события в России, несомненно, повлекли бы за собой целую революционную цепочку на постсоветском пространстве. Но «разожжен» был именно «тушитель» – общество, не созревшее к революции и показавшее драматический провал массовых протестов.

Успех Евромайдана в Украине и опасность распространения волны были весьма оперативно купированы Кремлем через присоединение Крыма, то есть через активизацию эффекта *последственной фрустрации*. К слову сказать, режим В. Януковича в полной мере испытал *уязвимость зависимости* от той же России, когда для критической массы населения и элит присоединение к Европейскому союзу стало доминирующим настроением.

Порядок извне – угасающий паттерн в современном мире, вероятно, из-за отсутствия настолько широкой, сплоченной и решительной коалиции, которая была бы готова посылать войска и восстанавливать старые режимы, свергнутые в революциях. Кроме того, большинство современных революций происходит в авторитарных государствах под лозунгами демократии, что делает еще более затруднительной реставрацию извне. События на Донбассе, в Ливии, Сирии, Ираке, Афганистане, странах Центральной Африки показывают, скорее, удручающие провалы, чем успехи в «наведении порядка».

Хуже того, попытки восстановления порядка извне ставят конфликты в переживших революционные события странах в центр внимания, что ведет к притоку туда и добровольцев, и денег, и оружия, и войск. А это сводит на нет эффект *истощения ресурсов*: подпитываемые извне войны растягиваются на многие годы и десятилетия.

В самой России в обозримом будущем не просматривается рисков революции или включения в революционную волну. Скорее, политика Кремля будет состоять в купировании революционных попыток в государствах-сателлитах (членах СНГ и Организации Договора о коллективной безопасности), особенно протестных движений с демократической и западнической направленностью. Такая политика не отменяет подспудных внутренних процессов в самой России, способных в будущем подорвать стабильность режима. Но это уже – предмет особого разговора.

Литература

1. Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение /Пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
2. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС, 2015.
3. Турчин П. В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. – М.: Издательство ЛКИ, 2010.
4. Розов Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы. – Новосибирск: НГУ, 2009.
5. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2011.
6. Beck C. J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // Social Science History. – 2011. – Vol. 35 (2). – P. 167–207.
7. Цирель С. В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена. – 2011. – Вып.8. – С. 174–209.